В ночь с 11 на 12 февраля 1852 г., за восемь дней до своей физической кончины, гениальный русский писатель Н. В. Гоголь сжег почти завершенную рукопись второй части романа «Мертвые души» — своего главного литературного наследия, призванного содействовать нравственному переустройству российского общества...

— В моем обиходе нет слова «здравствуйте»;
К здравию, у меня особое отношение.
Хотите со мной познакомиться?..
Ах, не желаете,— принимаете за наваждение?!
Вам, видимо, что-то не нравится?!
Бросьте!..— не о чем сожалеть;
Я ухожу, но доверяюсь вашей памяти...
И спиной повернулась Смерть.

И спиной повернулась Смерть,
Только взглядом косым обожгла:
«Если хочешь со мной улететь,—
Заверши все земные дела»,
И кивнула — на топку камина...

— Экий бред в предрассветную рань!
И привидится же чертовщина...
Померещится всякая дрянь!

Ветер в ставни, студеный февральский,
Бил всю ночь, обессилев под утро.
Николай Чудотворец Диканьский

Над больным наклонился как будто;
И на старославянском наречии, с высоты,
Где нет смерти и страха,
Отзывалась на боль человечью Аллилуйя
Под музыку Баха:
Да бродяжное эхо, как песня чумаков
«Від чумацького шляху»,
Повторяло настырнее смеха: —
«Важный маляр був — мыр його праху...
Важный маляр був — мыр його праху...»

— «Важный маляр був».— Вот наказанье!

Важный маляр був... Ні-і-і,— він ще є!..

Чур!.. Недоброе напоминание
Тенью двинулось по стене...
Замигали зажженные свечи
Дружно, в такте со скрипом полов,
И улегся к больному на плечи
Мертвый холод из темных углов.

В драматическом форте финала,
В голове неуемная мысль
То смиренно к земле возвращалась,
То бросалась с молитвою ввысь...

Все предвидено Промыслом Божьим,—
Всякий долей своей наделен:
Крест Голгофы — святым и острожным,
Крест погоста — таким, как Симон...

Ночь кончалась библейским сюжетом: —
«Крест нести на Голгофу поможет Симон»...
И больной, что-то силился вспомнить при этом...
Вспомнил вдруг, и позвал еле слышно: —
«Семе-е-н... Симе-он!..»

Восемь суток как, вроде, не спал
камердинер — чахнет барин...
— «Не пьет, и не ест... да и вправду сказать,
Все не ладится в мире, но зачем же
Безвременно — крест?!»
Разве мог он понять, бедный мальчик-слуга,
Отчего жизнь для барина не дорога?!

Ой ты, Русь моя!
Русь — не сытая,
То росой,
То слезами

Умытая;
То привидишься

Птицей
Двуглавою,
То разбойником —
Грозным Вараввою...
То взлетишь над
Землей
Чудо-тройкою!..
Позади, следом,
Грязь
Подкопытная...
Все фантазии это,
И только!..—
От холопов
Царю челобитная.
Не приемлет
Чванливое
«Жречество»
Бури Вестника,
И катастрофы...
Глас пророка
В своем
Отечестве —
Гром небесный,
Но, после
Голгофы:
После ереси, и осуждения — на экзекуцию,
На унижение... До искупления грехопадения
Смертью и Таинством Преображения.

В самых емких словах не вмещаются чувства,
И не терпят они многосложные строфы,
И какая же пытка, на грани безумства,—
Речь свою переплавить на образ Голгофы...
На неявную видимость явленных сроков,
От которых и небо гудит как набат,
Чтоб пророчеств святых, и врожденность пороков
Приумножить значением в тысячу крат!..

Впрочем, нам недосуг — не резон отвлекаться:
«Весть Благая» для многих досужая сказка...
Час торопит: — к больному пора возвращаться,
Кризис кончился. Скоро развязка.

Суетилась не в меру врачебная свита: —
«Воду на голову... тело в корыто...
К носу-пиявки...
Пиявки поставьте!»...

— Ах, оставьте меня! Ах, оставьте!..
Больно мне... больно!.. В темени жжение...
Дайте мне лестницу!..
Лест-ни-цу дайте
для восхождения...

Изможденное тело уложили в кровать.
В рот залили вина от припадка...
Потрясенный слуга слез не мог удержать,—
Он невольно услышал: — «Как сладко...
Ах, как сладко мне умирать!..»

Вся Земля и окрестность Земли —
ненадежная вотчина.
Цепь событий земных прервалась со словами: —
«Все кончено!» И в сознание втиснулся мрак,
Потревожив больного некстати,—
Это память его
возвратила назад —
в лоно матери;
Там, под толщей спрессованных лет,
от рожденья до смерти,
Ярко вспыхнул забытый сюжет
неземной круговерти:
В нем отеческий голос взывал
Сквозь пространство, и жуткие пропасти
Наполнялись блаженством любви и невесомости.
Ликовала душа, упиваясь азартом восторга...
Отстраненное тело лежало уже не дыша;
И душа подчинилась святому велению долга,—
В карауле,
вблизи над покойным,
застыла душа.

Вот бывает: неведомо как живет человек,—
Для страстей и пристрастий людских,
неугодная птица...
А когда, утомленный свободой,
закончит свой век,—
Люди разных сословий придут,
Чтоб ему поклониться.

Умер Гоголь.
Талызинский дом.
Перекрыли проезд по Никитской.
Вся Москва скорбный путь осеняла крестом,
До могилы в земле монастырской.
И казалось — весь мир занемел...
В русском храме высокой словесности,
Слово стало подобным зерну, без плевел,

В житном хлебе насущном для Вечности.
Жил и помер с надеждой любви на губах;
Клал себя на алтарь безысходного дела,
Зная — жизнь подытожится в прах...
Как же с этим, душа его не очерствела?

Мир — не мерян. Мы — в нем, а Он — в нас.
Две сажени земли на мандат атеиста...

В двух саженях земли целый мир удержать?!
О, как это лукавство неистово!
Ах, Создатель Всесущий,
как Мир твой не прост!..
Мир — над бездной времен провисающий мост!

Но, оставим земное земному,
В исполнение Судного дня: то ли жертвой
Дождю проливному, то ли —
в жертву стихии Огня...
И на этой пронзительной ноте,
Нарушая кармический лад,—
Не вперед мы посмотрим, напротив —
На мгновенье вернемся назад:
За черту горизонта событий,
Где фатальным не кажется Рок...
Где славянской души возмутитель
Отзвонит свой «последний звонок».

Да простит мне Всевышний,—
Отслеживать еретический дух этих строк,
Все равно, что руками удерживать
Мыслей, образов горний поток!

Ни-че-го!..
Ничего в измененном сознании,
Хоть кричи на весь мир, хоть молчи —
Только нервная дрожь покаяния
на губах,
Только пламя свечи...
Да под сердцем змея окаянная —
Родовой не прощенный грех,—
Видно, было не впрок наказание
на кресте —
Одного за всех...

Слаще патоки голос вкрадчивый
Зазывает в «калашный ряд»: —
«...И богаты там, и удачливы...
Там — и «рукописи не горят!..»
И торопится Сила вражия
все уладить до петухов...

Дескать, против пойдешь,—
так и... заживо!
Коли с нею — на веки веков...
— Одолел душу враг человеческий,—
Ты прости ее, Господи!
Огради ее святоотечески
от противной ей проповеди.
Глаз хоть выколи!..
Время за полночь;
Без молитвы — совсем невмочь...
Ты помилуй мя, Господи!..
Ты прости меня, Господи!..
Помоги мне, о Господи, пережить эту ночь.

А за окнами вьюга Яга,

И хотя до весны два шага,

Но дорогу домой в Малороссию,

От Москвы, поглотили снега.

Жизнь... Не жизнь — анимация воздуха,
Незатейливая пантомима,
С жадной страстью последнего вздоха,
Ускользая, промчится мимо;
Но пока еще зубы стиснуты,
И пульсируют кровью вены,— дело!..
Дело еще «трэба здийсныты»...
Где-то дрыхнет слуга?! — Эй, Сэ-мэ-нэ!..

Вне согласия с чувствами мой лексикон:
Безысходность словами невыразима!..
Безусловно ли, что «перейти Рубикон» —
Равнозначно падению Рима?!
«Перейти Рубикон»... Роковая река,—
Тайных помыслов пуповина...
— Перейди, литератор, и не дрогнет рука
Бросить рукопись в топку камина!..
— «Что ж ты медлишь, язычник?
Брось жертву в огонь!..
Горстку пепла оставь,— положи на ладонь:
Видишь, сколь смехотворна ничтожная жизнь?!
Паству к Богу ведешь?!.. Ха-ха-ха!..
Вокруг оглянись!
Ты почти угадал — всюду мертвые души...
Даром силы не трать: поводырь им не нужен!
Жги!.. Довольно страдать тебе, будет!
В жертве кто упрекнет тебя, или осудит?!
Разве не было сказано в Древнем писании: —

Все!.. Все вернется в Огонь,
и восстанет из пламени».

— Мысли въедливы,— хуже назойливых мух...
Как силен, как затейлив злой дух!..

Наша жизнь — краткий миг
В часовом механизме Вселенной;
В «Книге Судеб» листает страницы
Космический ветер...
Кроме Таинства Смерти
И Тайны Любви сокровенной,—
Что еще
Человека разумного
держит на Свете?!